

Чья-то рука убрала влажные волосы, ниспадавшие мне на спину, и ладонь нежно прижалась к моей шее. Пальцы медленно прошли между моими волосами, с успокаивающей силой массируя мою голову. «Сяо Цзин, не бойся. С твоим гу можно разобраться».

Он...

«Я уже отправил своих людей на юг искать ингредиенты для лекарства, которых нам не хватает. Не беспокойся», — его голос был негромким, но невероятно ясным среди тяжелого удара сердца. «Цан Иянь пока не может контролировать гу».

Теплое прикосновение коснулось моего лба – Цзюцяньсуй опустил голову и поцеловал меня.

— Я думал, ты выберешь его.

Этот поцелуй постепенно переместился вниз, коснувшись моих бровей, переносицы, места под глазами и, наконец, остановился в уголке моего рта. Цзюцяньсуй слегка сгорбился, опустил голову и посмотрел мне в глаза. И именно тогда я наконец смог ясно увидеть эмоции, переполнявшие его глаза. Глаза его были полны радости, но было и в них и недоверчивое подозрение. Он был совсем как ребенок, которому судьба никогда не была благосклонна, и вдруг одарила приятным сюрпризом. Чувствуя одновременно волнение и неуверенность, он, естественно, беспокоился, что этот сюрприз был не чем иным, как сладкой иллюзией.

Я открыл рот, но слов не вышло.

«Когда ты согласился на план Линь Вань*, я уже приготовился умереть в твоих руках» (Прим: полное имя Сяо Вань. Ее фамилия Лин) Хватка рук, обхвативших мое тело, становилась все крепче и крепче, но я преждевременно почувствовал легкую дрожь опасения в его движениях, которая раскрыла эмоции в сердце Цзюцяньсуя.

В конце концов, этот поцелуй так и не коснулся моих губ. Вместо этого он нежно ласкал губами угол моего рта, сдержанно. То, как Цзюцяньсуй произнес следующие несколько слов, было чрезвычайно небрежным, как будто эти слова были легкими, как ветер, но они ударили в самый мягкий уголок моего сердца, как кувалда, причинив такую сильную боль, что мои глаза защипало, а в носу покалывало от кислоты, и мои руки, погруженные в воду, дрожали все сильнее и сильнее.

«Если бы это ты лишил меня жизни, я был бы более чем готов».

Эти слова, легкие, как вздох, донеслись до моих ушей, принесенные туманом. Незадолго до того, как я протянул руку, чтобы схватить их, они быстро растворились в воздухе.

Не в силах больше сдерживать свои эмоции, я уткнулся головой в плечо Цзюцяньсуя, как будто это могло помочь мне скрыть свои эмоции. И впервые мои руки охотно обвили его за талию. Беспомощно мои пальцы крепко сжали ткань на его спине, надеясь подавить робкую дрожь.

«Ли Цинь...» — тихо позвал я его. В тот момент, когда эти слова сорвались с моих губ, мои слезы прорвались сквозь последнюю баррикаду, соревнуясь друг с другом, струясь по моему лицу.

Я не мог понять, почему он может быть так беспощаден к себе.

Полностью сознавая, что я замышлял против него с кем-то еще, он все же действовал как ни в чем не бывало, предлагая снять сковывающую меня цепь, добровольно отдавая в мои руки шанс погубить его. Полностью осознавая, что я вернусь в особняк Шуньван, он держал меня в темноте и искал для меня лекарство от гу только для того, чтобы охотно вернуть меня тому, кому он глубоко ревновал.

Если бы я сегодня не признался, он молча пошел бы по пути смерти, прокладывая мне дорогу к мирному и свободному будущему последними мгновениями своей жизни.

«Я... я больше не выберу его...» Мой голос был приглушен переполняющими меня эмоциями, но мне все еще отчаянно хотелось сказать ему что-нибудь, чтобы успокоить его печаль, прогнать его горе.

Фактически, он был Цзюцяньсуем, доминировал при дворе, он занимал высокое положение над всеми остальными, в то время как я был простым скромным слугой. Но в его отношениях со мной все как будто наоборот. Он всегда стоял на коленях на земле, молча умоляя меня о милости.

И поскольку я не был сделан из бесчувственного камня, как я мог... оставаться равнодушным?

«Дужу, Дужу... Ли Цинь».

Я также понятия не имел, что хочу сказать, поэтому мог только повторять его имя снова и снова. Мое горло распухло и стало твердым, как камень, а обжигающие слезы текли по моему лицу и пропитывали одежду Цзюцяньсуя. Моя грудь тяжело вздымалась. Несмотря на то, что я знал, как это неловко, я совершенно не мог контролировать себя.

Ростом он был выше обычных мужчин, а я, гвардеец-разведчик, был немного ниже ростом. Сравнивая наши тела рядом, я казался значительно меньше его. Когда я погрузился всем телом в его объятия, я был почти полностью охвачен им. Чеканные линии его мускулов, слабый запах сандалового дерева и знакомое тепло его тела — все вызывало у меня конкретное чувство безопасности.

Впервые за свои двадцать три года жизни я искренне почувствовал, что теперь у меня есть безопасная гавань, кто-то на кого можно положиться. Хотя до сегодняшнего дня я избегал это признавать, но как только я побывал в ней, я больше не мог её покинуть.

«Я останусь с тобой... я тебя выслушаю...»

Я задыхался и бесконтрольно плакал, как будто хотел выпустить наружу все недовольство, которое глотал с тех пор, как мне исполнилось десять лет. Мой разум пульсировал, превращаясь в густую пасту, ничего неспособный обработать.

Все это время Цзюцяньюсуй крепко держал меня, не отпуская и не издавая ни звука. Только колотящееся сердце, которое не могло успокоиться даже спустя долгое время, выдавало его взволнованные чувства.

Возможно, он тоже плакал, а я просто этого не видел, так как слышал только, как он всхлипывал с перерывами. Спустя долгое время он, наконец выдал из ноздрей тихое «Ммм».

«Я знаю... ты добр ко мне...»

"... М-м-м."

«Я больше не встречаюсь с Восьмым Принцем... хм...» Мои слова были искажены моим плачем, который звучал несколько комично для ушей, но никто из нас не засмеялся.

"... М-м-м."

«Я никогда не презирал тебя за то, что ты евнух...»

"М-м-м."

«Я постараюсь понравиться тебе, правда, я...»

Я так плакал, что у меня закружилась голова, поэтому я мог полагаться только на свой инстинкт, чтобы признаться в словах, исходящих из глубины своего сердца. На самом деле, я даже не был уверен в том, что говорю. И так было до тех пор, пока объятия вокруг меня внезапно не дрогнули, и ко мне не вернулись некоторые чувства.

После некоторого напряжения Цзюцяньюсуй снова расслабился. Держа мои плечи в своих руках, он осторожно отодвинулся на некоторое расстояние между нами, а затем осторожно и нежно вытер слезы, запятнавшие все мое лицо.

Сквозь слезящиеся глаза я заметил следы румянца волнения в уголках его глаз.

"Хорошо."

Он ответил твердым и торжественным тоном.

В течение шести месяцев я смотрел на это лицо каждый день и ночь, но сегодня в первый раз его лицо потеряло контроль над своим выражением. Он изо всех сил пытался подарить мне улыбку, но в итоге сделал выражение полуплача и полуулыбки. Мышцы его лица, привыкшие к напряжению, не могли отразить естественную улыбку, и только делали его лицо напряженным и неуравновешенным.

Тем не менее, выражение лица не могло скрыть великолепия его черт, ни на мгновение.

Слезы у меня полились еще сильнее, а сердце мое закололо от такой горечи, что оно оцепенело.

Я не знал, какое колдовство меня околдовало, но, рыгнув от продолжительного плача, я положил руки ему на плечо, наклонился и поцеловал эти прекрасные губы. Всего лишь короткое прикосновение, прежде чем наши губы разомкнулись, хотя мягкие ощущения остались ясными и яркими.

Сегодня вечером луна была самой полной. Поскольку ночь была безоблачной, безупречный лунный свет щедро ярко освещал воду. Вместе с поднимающимся туманом горячего источника они окружили нас двоих туманным сиянием.

Цзюцзяньсуй постепенно наклонился ближе, опустив голову, чтобы ответить мне сдержанным поцелуем. Это было просто нежное прикосновение губ, без всякого намека на похоть.

Задержавшись на мгновение, он слегка отстранился, а затем снова чмокнул меня в губы.

Опять и опять.

Пока я сам того не замечал, мои эмоции постепенно утихли, когда мы поцеловались, и звук моих рыданий медленно затих.

Вокруг нас было очень тихо, даже время, казалось, забыло про свой ход.

И весь наш мир состоял только из тепла друг друга, а также двух несколько беспокойных сердец, бьющихся от страсти.

<http://bllate.org/book/14094/1239622>